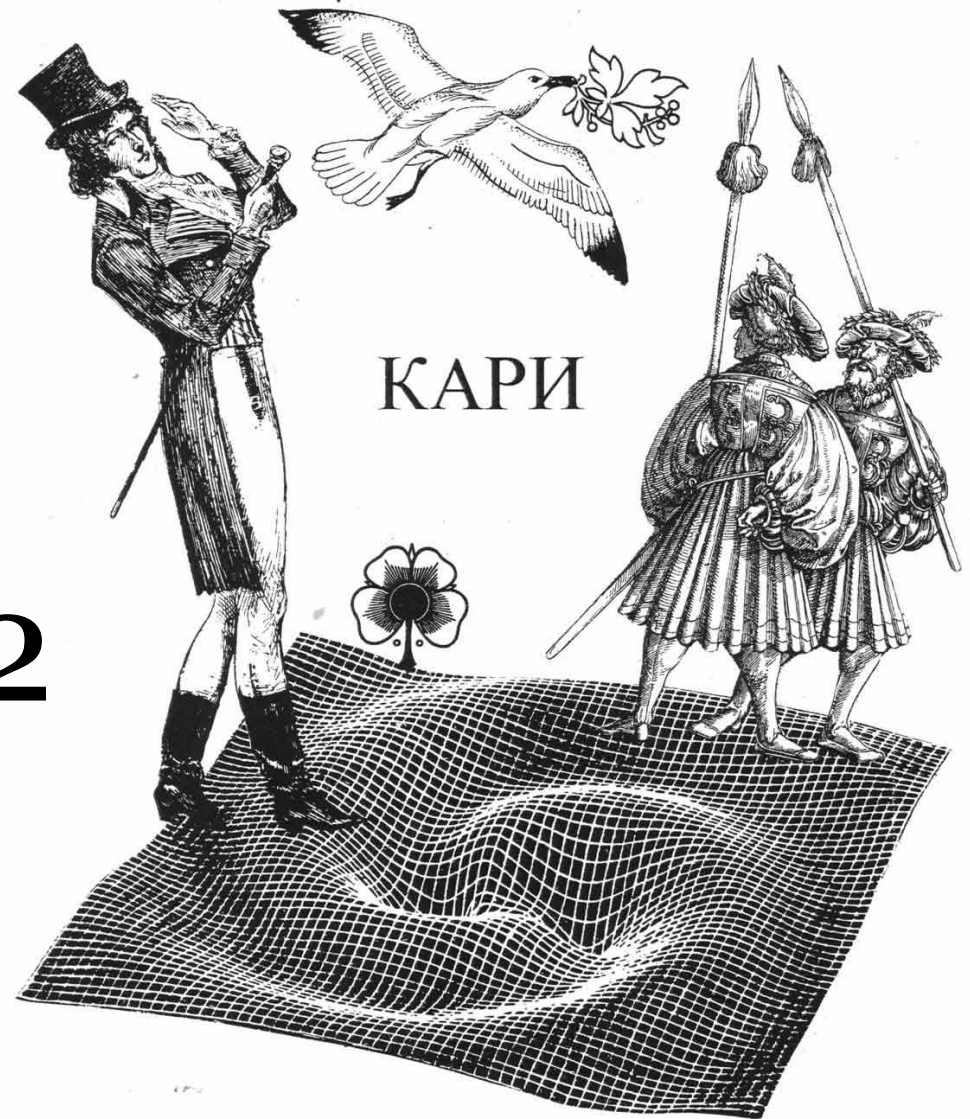

СЦЕНАРИЙ

Ещё один сценарий мы с Кари сочиняли раньше. К юбилею Ломоносова объявили конкурс, мы и думали: напишем, заработаем кучу денег. Очень красивую заставку придумали: юный Миша с отцом чем-то таким суровым поморским занимаются, калики перехожие поют Голубиную книгу “а кая у нас гора всем горам царь... а кая у нас река всем рекам царь...”, а за кадром призывающий, настойчивый голос: отрок, оставь рыбака... отрок, оставь рыбака... голос Пушкина из будущего.

2

ИЗ КНИГ

2

4

5

6

Сценарий

II.

Писать сценарий или погодить?
Шикарную историю Поэта
и Девушки на фоне площадей
Фонтанов парков скверов и вокзалов
Описывать их бронзовое тело
Все в каплях вод их волосы и ночь
Весь этот вздор такой опровержимый
Несносный с точки зрения времен
Но посмотрите! Сказка обрастает
Невнятной плотью. Даже наяву
Еще красивей. Ведь на самом деле
Они встретились на вернисаже
Две необычайно талантливые
И совершенно недоступные
Художницы и поэтессы
Расписали это платье
Цвета ночных бабочек
И назвали этот жреческий наряд:
«.....»
Он был сшит из старых простынь
Длинный балахон
С широкими рукавами
И в довершение изыска
Проказницы хорошо знали офисьель и фамшик
На нем просвечивали маленькие дырочки
И следы старой штопки
Туфли были детские, Катькины
Зато крошечные.

Густые длинные волосы
Невозможно было уложить
На веках блестели
Влажные темные тени
Лицо без косметики
Мрачно-приветливое
Однако на самом деле
Ей было около сорока
А нашему лирическому герою
Не было и семнадцати.
Но в литературу
Все это не укладывается
Итак, все было по другому:
Он был мессией уже в 14 лет
Когда-то Ани Безант
Ученица г-жи Блаватской
Взяла его из бедной брахманской семьи
И воспитала в Английском колледже
Ему подарили
Замок в Шотландии
И он проповедовал там
Вместе со своим братом
Потом брат его умер
Толпы стекались
К подножью нового храма
И прекрасные строки
Экстатических песнопений
О верности учителям
о Единственности Пути
Записывали за ним

Женщины прекрасные леди
И маленькие дети
И утешенные старики
Вытирали слезы
И утешались вдовы
Но однажды
Нет, это опять история из жизни
Она неправдоподобна
И никуда не годится
Вернемся к нашей истории
Начнем ее
Наконец
С длинного тела купальщицы
Прекрасного тела
Современной наяды
С него
Который
Поворачивает медленно голову
И медленно откидывает
Мокрые волосы
 бледного
С загорелого лба
 смуглого
Любой клюнет на этот башмак
На этот кусок старого сала
Ведь никто на всем белом свете
Не может правильно полно и квалифицированно
Удовлетворить свои сексуальные потребности
Распространяющиеся как известно

На тактильное чувство (капли воды на коже)
Обоняние (запах зелени и нагретых волос)
Зрение (бронзовый цвет загара и алые губы)
Слух (рокот прибора невнятные стоны и птицы)
И на нечто что мы отнесем
К области метафизики
И не будем здесь затрагивать.
Ну ты спала пока меня не было?
А это что за текст?
Какая ты умница
Почему ты моешь посуду?
Ты должна сидеть в цветах
В философском саду
И к тебе должны допускать
Только самых-самых продвинутых паломников
По одному в год
А Пушкин тоже мыл посуду?
Наверно это тоже выглядело смешно
Ведь он что-то там делал
Спал или например бранился
И окружающие разочаровывались
Как например я
Дорогая, ты совсем не умеешь работать вдвоем
Мы вчера договорились
Если бы не эти чертовы джинсы
Аптека и магазин
Я бы написал это сам еще вчера
Мы же договорились

Снег. Метель
Отроги Гималаев
Или там Памира
Он и она
Пламя костра. Палатка
Ну хорошо, метеостанция
Действительно, от палаток тошнит
Она берет гитару
Он поет Сирену
Пойдем со мной необходимый гений
Не будем дорогая больше спорить сегодня за фолк-рок
Я порядком устал
И надо дописывать.
В это время наверное
№1 Они продолжают бродить по окраинам Гвалиоры *NB!*
№2 В коммунальной квартире в центре Москвы они
разговаривают с послами и военными атташе,
а также обсуждают стихи о Добре Справедливости
и Любви *Бред!*
№3 Он впал в великую меланхолию после смерти
брата и отказался от своих земель своего замка
своей паствы и своих слов *Этот эпизод передать В.В.*
№4 Их руки медленно соединяются на черном борту
лодки

Значит так: Расширенные завораживающие глаза Ее
Он встает и медленно выходит
Скрип двери
Может быть, собака
Встревоженно поднимает голову
Ее шерсть на загривке дыбом
Несколько следов на снегу
Мятель
Звуки голоса ревербератором и рок-группы
Отлетающие в пространство

27 март 79 г.

III.

Минувших дней опальная чреда
Как издали ты нам непредставима
Проходят мимо злые города
Истаивают и проходят мимо
Вместе
Вместо
Пока непредставимо
Пока не поставлена точка
Не выкинет нас из квадрата
Катапульта полей
Не кидает обратно в лазурь
Этот пахарь оратай за ним задымилось
А он
Сам не ведая то
Проходит твердыню лазури
Голубой и рассыпчатой в прах рассыпается белый
Высыхает и вновь голубеет налитанный слабым дождем
До земли не доходят его
Легкие капли
Чаша эфира
Это гретое сакэ
Три покойничка выпьют на крыше
Духи
Разговаривают степенно и вежливо
Крыша поката

Им легчайшим она нипочем
А тело сползает
И страшно
Медлит эфир на губах
Покато
Пьем за здоровье душ
Легкий и медленный дождь
В небе проходит
И даже на крыше тепло
И сухо
Хоть пахнет травой
Даже нет вечерней росы
Непонятно сколько времени
И когда закричит петух
Они сбились
И голосят как попало
Богатые молдаване
Жгут в курятниках
Ртутные лампы
Куда же ты уходишь кто с позором
И со стыдом любовью и вином
Так празднично прошел и с отвращеньем
Так радостно с такой глухой тоской
Так мимолетно так к себе остынув
Борец и трус интеллигент и вор
Породистый плебей
Такой красивый
И слабый

Ты еще зовешь меня
Протягиваешь руку с этой крыши
И о долгах каких-то говоришь
И указуешь на вечерний дождь
Не достигающий земли
О детях просишь
Я люблю когда темно уже в партере
И открываются неслышно двери бенуара
Проскальзывает тень или мужчина
Пахнет старым бархатом
Дорогими духами
Предвкушением жизни
Нежитью и нетопырями
Шоколадными конфетами
Апельсиновыми корками
Легким потом
Парадного вождения
Лаком тесных туфельек
Холодом золота
Кружевами и пылью
Я люблю только это
Фаготы и дикие тихие трубы
Рев приглушенный
Невзнузданных скрипок
Распущенных виолончелей
Мягкие угрозы контрабасов
Пока на пульте не зажгётся свет
И обсыпанный перхотью дирижер
Не погонит стадо оркестра
К водопою постыдного действия

И скука легким щелчком
Откроет черепаховый веер
Запах пластмассы и сыра
Так я любили любили навечно навечно
Запах красок сырых
Растворителей
Грязного мастихина
Череп у которого шатались зубы
Запах первого усилия
Запах холстов и пыли
Вчерашнего пива
Забытой помады
И модной бензиновой зажигалки
Апельсиновых корок
Голода старого чая пустых бутылок
Милый образ
Твоей небольшой комнаты
Где ты начинал
Пробовать и сражаться
В руках манекенщицы
В ее корректном платье
Высыпается из кожанной сумочки
Старым трамвайным билетом
Прошлогодней запиской
Визитной карточкой
Давно уехавшего дипломата
Из страны
Которую упразднили
Поделили и анулировали
Нотой прошлогодней сессии
ЮНЕСКО

Как ты внезапно умер!
Можно ли так с друзьями
Мы не успели подготовиться
Мы не успели
Пристойно украсить тело
Повспоминать о прошлом
С поспешной молитвой на лбу
Ты зарыт в случайной могиле
Что же ты делаешь на крыше
Зачем пьешь сакэ
Петух пропел.
Где?
Нигде
Обитающий прав но ему никогда не случится
Ответить на этот вопрос
Месяц мелкий и тонкий
Немножко сочится Он прав
Прав он прав
Драгоценные люди
Так что же с вопросом?
По волосу капля стекает
Любимому негде приткнуться
А сколько погибло людей
Боже мой
И еще собираются гибнуть

Ищу ответа в каменных затеях
Особняки привстали в переулках
Их вид прекрасен формы неподкупны
Они замысловаты и мертвы
Нет устали в мерцании коробок
Нет в хижинах миров.
Родился месяц
Как будто кто-то будит постоянно
Как будто кто-то бредом истолкован
Напрасно где-то берегом бредет
Кому мы братья?
Где уста и уши?
Мы братья черным птицам и воронам
Господь, спаси покинутые души
Когда судьба руки не отведет.

АРХИЛОХОВ СТИХ

Милый рукой отведи эту ветку над мне тебя не видно
Милой рукой отведи
Все же трава наконец вырастает и птицы прилетели
Вот и душа зажила
Вот задышали и воды и вроде бы стало постоянно
Зелень и росы, тепло
Выткано легкое поле и ландыши пахнут за оврагом
Как это было давно!
Может быть даже найдешь ты скорлупку от соловьиной песни
Может быть ты и найдешь
Может быть ноги промочишь ведь там еще очень очень сыро
Рано, и я еще сплю
Милый, надолго ли ты опускаешься в этих ярких листьях
Ветвь отвести от лица?
Позже наверно проснусь и увижу что вот слетели птицы
Снег. Продолжение сна
Милые ветки осенние слабые стынут стынут стынут
Мутные реки текут
Ветку тяжелую мне от лица отодвинул кто-то нежный
Снег, это снег наяву.

О нарцисс запоздалый
Любовного счастья вертушка
Как тебе не наскучит
Беспокойная эта игра
В перезвоне гитары
Красивая право игрушка
Горний клекот клокочет
Пора брат пора брат пора
Бесконечные ночи проходят по краю пустыни
В черных простынях пальмы больной засыхающий сок
Корабли караванов пески осыпают доныне
И погонщик слонов терпеливо зовет на Восток
ГОЛОВА на двенадцатом ЗМЕЯ многоэтажной коробки
Обвивает балкон многокрыльем и рыком и ВОТ
КАРА как я цветы поливаю ГРЯДЕТ приготовлена дышит ватрушка
Вот апрель. Вот старушка к Универсаму по лужам бредет
Как прожить ВОРОН как пересилить ЗДЕСЬ эти затеи
КРЯЧЕТ селезень вспорот и ПЕРЬЯ с балкона ЛЕТЯТ
Не ЛЮБЛЮ я Москву. Самолет пролетел. Лиходеи
Лихоимцы и Тати под мостами так ЧУТКО спят.
ОН как ранее утро а я словно странник как странник
ПЛЕННИК словно бы сплю и котомку сжимаю В РУКЕ
Что-то издали кличет. Что-то зовет поминутно
Посекундно зовет и ПРОХОДИТ вдали ВДАЛЕКЕ
ЧАС. Ну что же прощай. Погляди на пернатые ноги
О легчайший не медли. Сандалии канули в пыль
Но изменницу брось. Не сиди, дорогой, у дороги
Вот апрель. Вот старушка по лужам бредет в магазин.

Изба, где ворон складывает крылья
Поток где вдруг сместились две струи
И ты, кто остановишь дни мои
В единый ствол в последнее усилие
Ездок кто запоздалый без огня
Един кто отвечает мне сегодня
Мешок что отложили для меня
Убивец кто спускается по сходням
Та ветвь где ворон складывает ношу
Поток где неизменны две струи
Венок который оборву и брошу
И Ты Кто Остановишь дни мои.

Комментарии

Шри Рамакришна

духовный учитель, 1836 – 86.

...рукою Канхейи...

Вообще так звали злую мачеху из Рамаяны, но в данном случае она не подходит ни хронологически, ни по сути, так что, наверно, другой персонаж.

...черносинюю шею...

Имя «Кришна» означает «Чёрный». На миниатюрах и в песнях Кришна изображается темно-синим, как бурная глубокая река.

Прыжок Ханумана

Эпизод Рамаяны. Ханумана послали за лекарственной травой, но он забыл, какая нужна, и принес всю гору.

Он был Мессией... он впал в великую меланхолию...

См. «Песни Кришнамурти», когда издадим. Можно еще посмотреть фильм 5 иронического сериала Лукаса «Приключения молодого Индианы Джонса».

Это гретое сакэ

Три покойничка выпьют на крыше

См. «Новый лирический цикл». О той же утрате – «Новый лирический цикл».

АРХИЛОХОВ СТИХ

См. «Поэтический словарь» Квятковского.

Что помню. Н. Д.-М.

Дополнение – о платье и конине. Конина была раньше. Мы готовились устроить большой прием, для которого моя подруга И.Б. предоставила шикарную квартиру на Юго-Западе, из всех окон горизонт, и обещала пригласить знакомых из литературного круга. Кари надумала приготовить нечто необычное, купила на рынке конину (как она готовила, надо бы рассказать отдельно), а друг и сосед хозяев дома принес, вот не совру, 800г чистого спирта. В последний момент Иная отдала мне ключ и уехала на дачу, никого не позвала, и мы оказались втроем. Саша К., человек в своем роде замечательный, принес также:

а) магнитофон и Езус Крайст

б) фотокопию Веселых Ребят

на фоне великой музыки, которую мы слушали впервые, мы с ней и сопоставили наши мировоззрения, чем потом занимались на всем протяжении знакомства. Боюсь, мы несколько пренебрегли своим кавалером, потому что он не умел пить неразбавленный спирт и не понимал, о чем мы говорим. Зато умел многое другое. Когда мы в экстазе выбежали под легчайший летний дождь и закружились босиком в луже, вдруг выяснилось, что ключ мы захлопнули в квартире. Пока мы с ней хохотали, пытаюсь осмыслить последствия, Саша поднялся наверх и выглянул из окна запертой квартиры. (Иногда мне кажется, что «дом, дождем объятый») – отчасти об этом.

Платье сделано методом батика, тогда многие увлекались: ткань произвольно складывают, перевязывают, прошивают и кипятят в краске, лучше всего – черной, а лучшая ткань – многократно стирания простыня. Покрой «Коптская рубаха». На ней оно выглядело поистине ритуальным нарядом.

Кари становилось тесно, она тяготела к большим формам, к синтезу искусств, к совместной работе. Ее поэтические циклы становятся все больше, перетекают в прозу. Какие-то идеи были у нее с музыкой, она что-то искала в современной фотографии. Писать вместе мы с ней пробовали, еще Люда была здесь, тоже писала - детектив «Смерть на химфаке», классная затея, потихоньку сошла на нет. Нет ничего веселее, чем задумывать и обсуждать такие проекты.

Фотографией занимались Слава Михайлов и еще один замечательный персонаж, Валя-Маша – он объявил себя испанцем и требовал именовать себя не просто Валентин, но Валентин-Мария. Позже уехал во Францию и жил в замке. И он, и Слава М. умели фотографировать душу. Музыку воплощала окружавшая Кари консерваторская молодежь, среди которой выделялась чрезвычайно колоритная чилийка Патрисия, Пат, о которой расскажу отдельно, ибо она, возможно, сыграла в судьбе Кари роковую роль. Ближайшими друзьями, неперенными спутниками, признанными учениками стали Андрей Изюмский и Алеша Соболев. Все это пока не имеет прямого отношения к «Сценарию».

Работа, видимо, мыслилась так:

Участники проекта, вдохновленные единым планом, пребывая в непрерывном общении, творят независимо (кто во что горазд), и приносят готовые блоки текста, которые включаются в конструкцию без всякой подгонки, создавая в результате неожиданное качество, непостижимым образом формирующее новую литературную реальность, в свою очередь возносящую сотрудников над их исходным уровнем, поскольку известно, что сумма в таких случаях равна произведению слагаемых, а духовная близость иначе как экспонентой не отображается, что и требовалось доказать.

Вообще-то обычно так и бывает.

В данном случае молодые соавторы Кари фантазировали устно, перипетии замысла и сложности совместного труда отражены в ее стихах, а их собственные тексты не материализовались ввиду полной неспособности некоторых людей к труду.

Упомянутую Девушку я ни разу не видела, Андрея знала довольно хорошо, Алешу, который в «Сценарии» остался за кадром, меньше.

Оба они были исключительно молоды, высоки и хороши собой, особенно Андрей. Грива черных волос, бархатные карие глаза (брови и ресницы соотв.), чистая кожа, временами, кажется, борода. Алеша той же масти, но еще выше и похож на индейца. Оба ярко выраженные дистрофики, что называется, соплей перешибешь. Мне они всегда напоминали персонаж фольклорного романа А. Тутуолы – «полутелое существо».

Был тогда такой тип – советские хиппи. Трогательные безобидные существа, поражающие познаниями в современной музыке, наделенные своеобразной интуицией – они легко воспринимали мысли, никак не ложившиеся на штампованные мозги прочих современников. (Говорили, что они «врубаются» и «секут»). Время, когда у подростков образуются социальные навыки, примерно от 14 до 18, они провели в своем кругу, привыкали к наркотикам и легкому сексу и т.д., потому соответственные участки коры у них атрофировались. Они еще как-то могут позаботиться о себе, вернее, найти, кто о них позаботится, но полагаться на них даже в самом элементарном было нелепо. И не полагались, но порой такие случались проколы – казалось, ну уж это-то и они должны бы знать... Однажды Алеша отправил несовершеннолетнюю и очень привлекательную Ладку, которой сам же интересовался, в Питер с проводником – так многие тогда ездили – не посмотрев на него толком. В результате ребенок полночи дрался, полночи стоял в тамбуре.

Были они часто трогательны, поэтичны, своеобразны в разговоре, словом, милы в особых обстоятельствах. Я дружила с парочкой таких детей на раскопках в Молдавии, в октябре – дивное время. У них нередко был жестокий жизненный опыт. Урла и менты их ненавидели звериной ненавистью. А они, распустив хайры, бродили по бесконечным дорогам отечества в поисках уходящего лета и маковых головок. Убить могли запросто. Наркодиспансер тоже не сладкое местечко.

Думалось, вот сейчас они дети-цветы, изящные зверушки, а на что станут похожи к тридцати, кто и с какой стати согласится их терпеть? Но они, как правило, долго и не жили. Алеша – Кари спасла его, погибающего наркомана – через несколько лет после ее смерти повесился в Штатах. На той же почве.

Андрей немного другое дело. Он учился в театральном училище, собирался играть Гамлета, сочинял песни и пел под гитару (мама, я убил... и я узнал, что смертны короли). Голос у него был мощный, красивый. Он приобщил Кари к начинавшемуся тогда в Питере рок-движению. Было у них там знаменитое шествие, может кто и дату вспомнит? Они вместе шли впереди, вместе их и загребли. Ночь они провели в ментовке. Кари была в восторге. Хиппи, они же кроткие. Их по одному волокли за волосы выяснять личность (и бить). Остальные, дожидаясь своей очереди, вздыхали. – Опять Евангелие отнимут... - А у меня Дхаммапада. Вчера только купил. Снова завтра за Обводный тащиться...

У кого-то был батон. У кого-то большой кусок колбасы. Хлеб честно поделили – ртов на тридцать. На колбасу никто не позарился. Одни вегетарианцы попались.

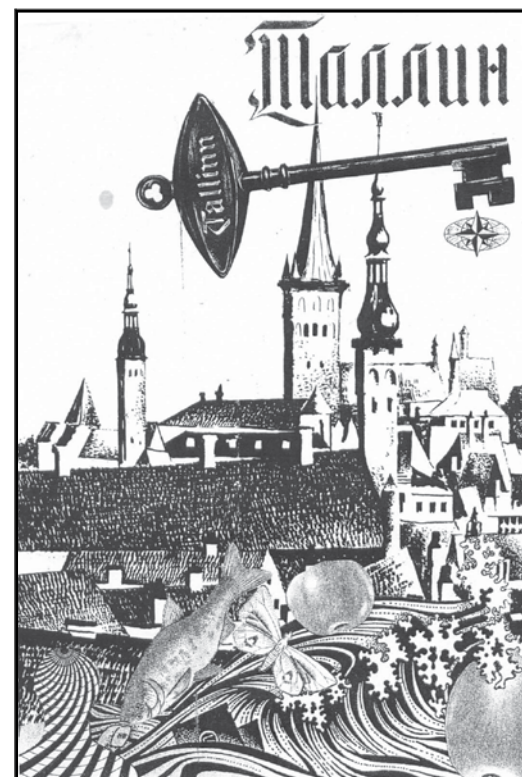
Потом они много скитались, жили в Москве, в Крыму, сочиняли, был еще один участник творческой группы, Виктор Резунков – его знаю только по голосу на «Свободе». Трое учеников создали книгу, самиздатскую, конечно. Видела один раз и не знаю, уцелела? После гибели Кари Андрей с подругой (он таки сумел подцепить самую красивую и, говорят, самую умную девушку в Москве – знаю кто, но не скажу, значит, что-то в нем было) издали тиражом в полсотни экз. книгу, которую незадолго составила сама Кари.

«На вертеле счастливая конина...» - это наш с ней пир в начале знакомства. Кроткий упрек в измене во второй половине стихотворения обращен уже к Андрею. Жреческое платье и детские туфли – наша с Таней работа. Платье сохранилось.

Дхаммапада. Культовая книга молодежной контркультуры. Буддийский канон, запись речей самого Будды. Академическое издание, перевод и коммент. Топорова, 1960г. Весь тираж отправился в закрома, впрочем, иногда можно было приобрести, скажем, в Экибастузе. В середине 70-х подобные издания уценили и выбросили в книжные магазины, в основном на окраинах, напр. У нас, в маг. «Заря», почти у трамвайного круга в лесу. Стоила 20 коп.

T.D.M.

Прощай, любимый город!
О нём, о чудесных людях, которых там больше
нет (или просто нет), о том, как случилось, что
мы с Кари встретились.